

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Н. Р. Гусева. Индуизм. История формирования. Культурная практика. М., 1977, 326 стр., предисловие акад. Б. Г. Гафурова, стр. 3—10

Новая книга Н. Р. Гусевой посвящена исследованию одного из сложнейших и малоизученных явлений индийской культуры — индуизма. Автор хорошо знает быт и культуру народов Индии, что делает книгу особенно живой и интересной. Она не раз бывала в этой стране и собрала значительный этнографический материал, который умело использовала для решения своей главной задачи — изучения исторических корней индуизма и его ритуальной практики у народов Индии.

Поэтому монография имеет очень широкие хронологические рамки, охватывающие почти 5000 лет — от III—II тысячелетия до н. э. вплоть до наших дней. Именно таков временной путь истории индуизма — сложной религиозно-философской и социально-культурной системы. В этой связи нам представляется верным вывод автора о том, что ведизм, брахманизм и собственно индуизм — это лишь этапы развития единого явления — индуизма (стр. 14), хотя многие исследователи рассматривают их в качестве отдельных религиозно-философских систем и начало индуизма относят только к III—IV вв. н. э. Справедливость вывода Н. Р. Гусевой подтверждает, вероятно, и история других крупных религий (например, христианства и иудаизма), прошедших в своем развитии через целый ряд этапов.

Н. Р. Гусева начинает свое исследование с анализа исторических корней индуизма. Она обращает внимание читателя на тот факт, что огромный южноазиатский субконтинент — это яркий и самобытный мир, где тесно переплелись культурные черты самых разных эпох. Некоторые из этих черт уводят автора в глубь тысячелетий и дают уникальную возможность проследить нити культурных и этнических связей между народами разных континентов и разных эпох. Круг вопросов, затронутых автором в этой главе, широк, он шире названия главы и касается исторических судеб индоевропейских народов древности — проблематики, разрабатываемой многими лингвистами, археологами и этнографами.

Еще в XVI в. флорентийский купец Филиппо Сассетти заметил сходство между санскритом и западноевропейскими языками. С тех пор индоевропейстика превратилась в обширнейшую отрасль знаний, накопила огромный материал и располагает теперь сотнями капитальных трудов. По мнению большинства исследователей, обособление отдельных индоевропейских языков началось в IV—III тыс. до н. э. в степной и лесостепной полосе от бассейна Дуная и Балкан на западе до Арало-Каспийской низменности на востоке. В работах советских исследователей А. И. Абаева, Б. В. Горнунга, Э. А. Грантовского выявлены отдельные этапы этого процесса. В. И. Абаев, сторонник концепции раннего разделения единой арийской общности в пределах восточноевропейской прародины на две ветви — протоиранскую и протоиндоарийскую, установил существование древних связей между индоиранскими и угрофинскими языками, что убедительно локализует эту прародину в европейских степях.

Н. Р. Гусева мобилизовала значительный археологический материал для установления области формирования древнеарийских религиозно-мифологических представлений и прародины ариев. При этом она подчеркивает, что «какими бы путями ни проникли арии в Индостан, они начинали свои миграции из южнорусских степей, где они жили в тесном соседстве (или входили в близкородственную общность) с протославянскими племенами» (стр. 29).

Предположения о связях предков индоиранцев с предками славян высказывались еще в середине XIX в. Позже это отмечали крупные лингвисты А. Мейе и Т. Барроу. Археологические исследования (Н. М. Мерперта, К. Ф. Смирнова, Е. Е. Кузьминой и др.) позволили выявить обширную область, занятую земледельческо-скотоводческими племенами, носителями древнейшей культуры, которая, по-видимому, и явилась исходной территорией формирования индоиранских языков. Накануне своего передвижения из Юго-Восточной Европы в первой половине 2 тыс. до н. э. индоарьи жили по соседству с северной группой индоевропейских племен (предками славян, балтов, германцев), среди которых самыми близкими по культуре к предкам ариев были, вероятно, праславяне Припятского бассейна (носители тшинецкой и комаровской культур). Как справедливо отмечает Н. Р. Гусева, процесс взаимного культурно-языкового влияния предков славян и предков ариев протекал в пределах индоевропейской прародины и в более поздние периоды (стр. 31). Это находит подтверждение и в лингвистической схеме В. И. Абаева, выделившего три этапа развития индоиранских языков: период арийской общности (вторая половина 3 тыс. до н. э.), период ее разделения на протоиранскую и протоиндоарийскую ветви (первая половина 2 тыс. до н. э.), период обособления североиранской (скифо-сарматской) группы от южноиранской группы (первая половина 1 тыс. до н. э.).

Особую роль в этих исторических процессах, по мнению археологов, сыграли носители срубной культуры Волжско-Уральского междуречья и сходных с ней культур — раннеандроновской и близких к ней среднеазиатских культур эпохи бронзы (тазабагъябская, бишкентская и др.) второй половины 2 тыс. до н. э. Именно в это время прослеживается перемещение на восток и юг Азии древних религиозных представлений, сло-

жившихся в эпоху контактов древнеславянских и индоиранских племен (стр. 33, 40 и др.). В то время в южнорусских степях, в Приуралье и Казахстане получили распространение вместе с коневодством культы коня, солнца и огня, которые соответствуют реконструируемой модели раннеарийского общества. Расселению срубных и близких им племен далеко на восток и юг способствовало изобретение и распространение у них конных боевых колесниц и колеса со спицами. Это получило яркое подтверждение в археологических находках погребений с колесницами на р. Синташте в Южном Зауралье (В. Ф. Генинг, Л. И. Ашихмина), а также в многочисленных наскальных изображениях колесниц в Северной Индии. Следует отметить, что синташтинские колесницы могут быть признаны едва ли не древнейшими в Старом свете.

Н. Р. Гусева останавливается в рассматриваемой главе на различных вариантах путей, какими могли попасть в Индию индоарьи. Она отдает предпочтение выдвинутой в свое время С. П. Толстовым и М. А. Итиной гипотезе о продвижении степных племен бронзы Казахстана и Средней Азии в южном направлении по водным путям. Автор привлекает также археологические материалы А. М. Мандельштама, который выделил в погребениях бишкентской культуры конца 2 тыс. до н. э. три последовательных волны переселенцев. По мнению Н. Р. Гусевой, возможно, в них следует усматривать волны арийских племен, двигавшихся в Индию (стр. 50). А. М. Мандельштам отмечает большое сходство бишкентских и древнеиндийских захоронений.

Н. Р. Гусева совершенно справедливо отмечает, что верования и культы арьев были лишь одной из составных частей индуизма. Другой — не менее, а, быть может, и более важной — его частью стали религиозные представления и обряды доарийских народов Индостана — дравидов, мунда и др. Заметную роль в современном индуизме, например, продолжают играть лишь немногие боги ведийских арьев (Вишну, Сурья, Агни); господствующее положение заняли боги местного, «аборигенного» происхождения — Шива, Кришна, Сканда, Ганеша и др. Здесь автор широко привлекает сравнительные этнографические материалы по верованиям отдельных племен — дравидоязычных, мунда и т. д. К сожалению, археологические источники, подтверждающие местное происхождение тех или иных явлений индуизма, привлечены меньше. К тому же эти данные разбросаны по разным местам книги (например, сравнение изображений Шивы с похожими фигурами на хараппских печатях — на стр. 56, 90 и др.), что не создает цельного впечатления. Следует, однако, отметить, что археологические материалы по этим вопросам очень скудны.

В первой главе Н. Р. Гусева пришла к выводу о том, что индуизм развивался на территории Индии свыше трех тысяч лет и основы его религиозно-мифологических представлений и обрядности сложились в первых веках I тыс. до н. э. как синтез верований доарийских народов и арьев (стр. 59, 287).

В главах II—V автор анализирует индуизм с этнографической и религиоведческой сторон. Она подробно рассматривает объекты религиозного почитания, роль жрецов и храмов, обряды жертвоприношения и другие основные элементы культовой практики. При этом дается характеристика главных направлений индуизма — вишнуизма, шиваизма и шактизма, показаны их исторические корни, отличия друг от друга и взаимосвязи. В этих главах много экскурсов и в этногенетические аспекты отдельных явлений современного индуизма. Н. Р. Гусева с почти исчерпывающей полнотой использовала существующую по этой тематике литературу, преимущественно иностранную, так как отечественных работ крайне мало; привлекла в качестве источников древнеиндийские литературные памятники (Махабхарату, Рамаяну), древние тексты религиозного и религиозно-философского содержания (веды, брахманы, упанишады и др.), книги законов (дхармашастры).

В этих главах, на наш взгляд, представляют особый интерес следующие положения. Удачно реконструированы, на основании ведийских описаний, древнейшие формы изображений индуистских богов, они сопоставлены с идолами славян (стр. 213—216). Исследуя особенности этнического и социального происхождения разных групп жрецов, автор обратил внимание на наличие в составе жречества Южной Индии (у тамиллов) двух этнических слоев — пришлого и местного (стр. 180). Весьма убедительно раскрыта реакционная суть новых течений в индуизме, разоблачены попытки некоторых сект, возникших в странах Запада, главным образом в США, прикрыть кризис буржуазной идеологии и культуры проповедью «неоиндуизма» (стр. 189—194). Рассматривая в заключительной главе традиционную обрядность индуизма, автор показал изменения и новшества, вызванные современными условиями жизни, особенно в городской среде. Так, теперь в индуистском браке иногда уже наблюдается отказ от приданого, вторичное замужество вдов, повышение брачного возраста, ломка кастовой эндогамии, уменьшение роли родителей при выборе жениха и невесты. Иными словами, в связи с новыми процессами социально-экономического развития в Индии начинают постепенно отмирать традиционные религиозно-правовые нормы индуизма.

В целом высоко оценивая исследование Н. Р. Гусевой, следует в то же время отметить некоторые неточности. Так, автор не всегда выдерживает свою концепцию членения индуизма на три периода (ведизм, брахманизм, собственно индуизм), например, на стр. 67 сказано: «Из пантеона ведических арьев в пантеон раннего индуизма (брахманизма) вошли... божества...» Но брахманизм — это не ранний, а средний период индуизма. В Непале и на Шри-Ланке не только известны, как пишет автор, индуистские легенды, мифы и религиозные воззрения (стр. 16), но там существуют крупные общины индусов численностью 9 млн. и 2 млн. чел. На стр. 29 речь, видимо, идет об индоевропейской ас-

симиляции хаттских (т. е. протохеттских), а не хеттских племен, которые сами были индоевропейцами.

На наш взгляд, более вероятно отождествление славянского Перуна, бога-громовержца, с богом грозы Парджаньей (ср. также литовский Перкунас), а не с Варуной, как делает автор. Можно было бы предложить автору пополнить примеры индоарийско-славянских соответствий таким соотношением слов, как Ушас (богиня зари) и слав. утро (ср. также греч. Эос, лат. Аврора), Сварадж (один из эпитетов бога Индры) и славянский Сварог, Вач (богиня речи) и слав. вече, вешать, Вячеслав.

Предположение автора о том, что арийских принцесс выдавали замуж за аристократов из среды чуждых этносов требует более развернутого обоснования (стр. 122). Эндогамные установки такого строго патриархального общества, как арийское, вряд ли могли допускать подобные браки, тем более — с аристократами покоренных племен. Эндогамия нарушалась только в обратном направлении: арьи брали жен из среды аборигенов.

Обычай удушения жертвы у русских язычников, в отличие от других славян, которые жертву резали (стр. 129), возник, возможно, под влиянием тюркского шаманизма (авары?), предписывавшего совершать жертвоприношения «без пролития крови». Это замечание усилит аргументацию автора при отождествлении обычаев принесения жертвы у индоарьев и славян. Для утверждения об изживании арьями «черт матриархальных отношений» (стр. 147) нет точных фактов.

Видимо, следовало бы отметить, что превращение коня в символ бога солнца (стр. 156) произошло через мифологическое переосмысление движения дневного светила как небесной колесницы. Конь стал символом солнца благодаря распространению колеса на спицах, которое было изобретено индоевропейцами вскоре после одомашнивания ими лошади. Жертвоприношение коня у арьев (ашвамедха) перекликается с аналогичным обычаем не только у славян, германцев, римлян (стр. 156), но, пожалуй, ярче всего — с кельтским обрядом «ипоминдвос», сходным и по своему названию.

Сопоставляя названия ведийского ритуального напитка сомы (через иранское «хаома») со словом «хмель» (стр. 164—165), можно развить эту изоглоссу дальше: латинское «хумулюс», тюркское «кумыс». Видимо, пракорень, давший производные сом-хаом-хум-хм-кум означал вначале вообще понятие опьянения. Удачное предположение Н. Р. Гусевой о существовании у арьев временных молелен типа шатра (стр. 200) можно дополнить указанием на общую для всех кочевников закономерность — отсутствие постоянных культовых зданий (стр. 261).

В целом же книга Н. Р. Гусевой — серьезное и многоплановое научное исследование. Автор поставил и решил ряд сложных вопросов. Потребность в такой работе ощущалась давно. Опубликование монографии Н. Р. Гусевой восполнило существенный пробел в советской индологической литературе.

Б. В. Андрианов, И. М. Семашко

W. A. L. S t o k h o f. Preliminary notes on the Alor and Pantar languages (East Indonesia) («Pacific Linguistics», ser. B, № 43). Canberra, 1975, VI+73 p.

История этнолингвистического изучения Юго-Восточной Индонезии содержит целый ряд примечательных примеров тому, как казалось бы очевидные факты или умозаключения с трудом пробивают себе дорогу по той только причине, что источники и работы, их содержащие, либо написаны на малораспространенном языке, либо напечатаны в малодоступных изданиях, либо появились тогда, когда не было условий для их должной оценки. И наоборот, с какой легкостью даже непроверенные утверждения, обнаруженные в изданиях массового характера, получают широкое распространение и «кочуют» из публикации в публикацию.

В 1914 г. в мало читаемом за пределами Голландии журнале Нидерландского географического общества была напечатана анонимная выжимка из военных отчетов о покорении Юго-Восточной Индонезии под названием «Острова Алор и Пантар в резиденции Тимор и подчиненные острова»¹. Языком статьи был, конечно, голландский. В ней наряду с общими сведениями об островах, их населении, племенном составе, хозяйстве, административном делении и т. д. приводился в качестве приложения словник из примерно 300 слов на трех местных языках, названных авторами алорским, куи и колана. Для человека, знакомого с австронезийской лингвистикой, даже беглого взгляда на эти словники было достаточно, чтобы понять, что материалы по куи и колана не содержат австронезийских лексических элементов, в то время как алорский язык несомненно австронезийский, близкородственный языкам расположенных к западу

¹ De eilanden Alor en Pantar, Residentie Timor en onderhoorigheden.— «Tijdschrift van het Koninklijk Nederlandsch Aardrijkskundig Genootschap», d. 31, afd. 1, bl. 70—102.